



Андреев А.Н.

**Литература
как способ управления
смыслами**



Анатолий Николаевич Андреев

Литература как способ управления смыслами.

Книга критических статей о литературе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73061053

*Литература как способ управления смыслами: Союз писателей России;
2025*

Аннотация

Автор понимает литературную критику как своего рода «оперативное литературоведение», цель которого с помощью определенной методологии выявить в современной литературе культурно значимое смысловое (ценностное) и эстетическое (стилевое) начала. Авторское credo формулируется просто: если ты говоришь о литературе, то рано или поздно придешь к управлению смыслами (к идеологии); а если не придешь, то ты говорил не о литературе.

На самом разном материале (от Пушкина до современных авторов) показано, как литература становится способом управления ключевыми для нашей цивилизации смыслами. Выявление критикой этих смыслов, в свою очередь, может (и

должно) стать способом управления современным литературным процессом – в той мере, в какой он поддается смысловой регуляции.

Книга адресована тем, кто интересуется проблемами русской литературы и культуры.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
I. Литература – это способ управления смыслами	15
1. Кант vs комбат, или Литература – феномен идеологии	15
2. Прапорщик Гринев vs комбат, или В литературе всегда побеждает жертва	54
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Анатолий
Николаевич Андреев
Литература как способ
управления смыслами
Книга критических
статей о литературе**

© Алексей Попов, текст, 2025

© Анастасия Мигалина, перевод, 2025

© Союз писателей России, 2025

© Анна Головина, дизайн и вёрстка, 2025

* * *

*Моему другу
Мамеду Гаджихалиловичу Халилову, чье служение
литературе объединяет и вдохновляет многих*

Предисловие

Предлагаемая читателю книга критических статей о литературе родилась как отклик на проблемы, которые поднимает «Большой стиль».

Что такое «Большой стиль»?

«Большим стилем» с некоторого времени (а именно с сентября 2024 года, когда в Москве прошла Всероссийская научно-практическая конференция литературных критиков и литературоведов «Большой стиль») принято обозначать некий «Большой культурный проект», направленный – ни больше ни меньше – на смену духовно-художественной парадигмы в нашей литературе.

«Большой стиль», по задумке, должен стать инструментом для большого духовного очищения от всего того, что мешает нам двигаться вперед и становиться по-настоящему современными: от гнили неолиберализма, мифов «инклюзивного капитализма», «очарования» эгоцентризма, восприятия литературы как «служанки красоты», от восприятия «литературы как служанки» в принципе.

Большой стиль в таком своем качестве задумывался как большой шанс для патриотически настроенных писателей России, для нашей страны, для нашей цивилизации.

Позвольте мне начать не издалека, а с начала. Вот мы часто говорим, что классическая русская литература имеет ста-

тус великой, величайшей. И это совершенно справедливо. Я бы даже сказал, что это культурный феномен, равного которому нет в мире. А теперь давайте спросим себя: за счет чего русская литература стала именно такой? Что она открыла миру? Чем она изумила культурную элиту человечества?

Русская литература золотого и, в меньшей степени, серебряного веков сделала ставку на *сложного* человека. Сложного – значит, внутренне неоднозначного, картина мира которого состоит из не из монолита одной истины, а из противоречивого единства сразу нескольких, взаимоисключающих друг друга истин. Вот, скажем, Гектор, великий герой «Илиады» Гомера, созданной около трех тысяч лет назад. Он спокойно, без ложного пафоса прощается со своей женой Андромахой, отправляясь на поединок с Ахиллесом, – идя на верную смерть. И он это знает, и она. Но никому из них и в голову не придет уклониться от императива «если необходимо – без сомнений отдай жизнь за Родину». Родина превыше всего на свете. Это истина. И никакой иной истины рядом с этой существовать в принципе не может. Такой герой всегда знает, что ему делать: выполнять свой долг. «Гвозди бы делать из этих людей: крепче бы не было в мире гвоздей» (Н. Тихонов). Да, это герой, – но это не мешает ему быть простым человеком; он не тратит сил на внутреннюю борьбу с самим собой, все силы уходят на совершение подвига. Этот – героический – архетип, конечно, относится к числу вечных, он существует и сегодня.

Герои вечно актуальны. Их сила в том, что они «в упор» не замечают в человеке личного, личностного начала. Их девиз: сначала думай о «высоком» (о Родине, истине, правде, семье, социализме, Боге – словом, о долге, о том, что выше тебя, в сравнении с чем ты просто ничтожество), а потом о себе. Герой относится к себе как к средству, а не как к цели; цель находится вне «юрисдикции» героя, он ей служит, и ни в коем случае не наоборот.

Русская литература показала миру, что человек может думать одновременно и о высоком, и о себе как о составляющей «высокой материи». О себе как о высоком, а не о низком! Русская литература показала, что думать о себе, о личности, о человеке как *о цели всего сущего*, по Канту, – это тоже долг человека. Личное наши великие классики показали как момент сверхличного, общественно значимого, героического. И это определило величие русской литературы, которая просто шокировала Запад, весь культурный мир. Заговорили о «загадочной русской душе». А дело здесь вовсе не в душе. Великий русский ум сделал великую литературу. Этот момент следует зафиксировать, осмыслить и принять. Чего мы, к сожалению, не сделали.

Все великие персонажи русской литературы поиски себя (а не только внешнего по отношению к себе долга) также сделали миссией героической.

Точкой отсчета в русской литературе, где кристаллизовался и оформился культурный код, стал «Евгений Онегин» А.

С. Пушкина. Почему?

В «Евгении Онегине» градус личностного начала («персоцентрической валентности») оказался столь высок, что у исследователей появились основания говорить о полноценном присутствии личности в литературе. Если до Пушкина «думать о себе» (о личности в человеке) считалось «гамлетической» слабостью, то после Пушкина стало слабостью не думать о себе, не замечать человека как высшую точку отсчета в мире, как венец творения. Малодушно «думать о себе» для героя означало предать Родину; Пушкин показал, что, во-первых, можно думать о себе и о Родине одновременно, и, во-вторых, не думать о себе для умного человека означает предать и себя, и Родину.

На смену простому человеку пришел сложный человек. На смену интеллекту пришел ум. Открытие Пушкина (поддержанное всеми нашими великими классиками: Лермонтовым, Тургеневым, Л. Толстым, Достоевским, Чеховым, Булгаковым, Шолоховым, – это ряд, а не исчерпывающий перечень) оказалось настолько сложным и масштабным, что сложных людей поспешили объявить «лишними». Гвозди из Онегина, может, и не сделаешь; зато сделаешь некий человеческий «синхрофазотрон».

Получается, что русские открыли некий «русский секрет» изображения личности в литературе?

Именно так. Только это не русский, а универсальный секрет. Личность – это сложный, многомерный человек, *кар-*

тина мира которого противоречива, то есть в значительной степени адекватна реальности. Иными словами, сложный человек интересен нам не потому что он сложен, а потому, что информационная сложность его является объективным свойством реальности, в которую погружен человек. Собственно говоря, в сложности человека, в его личностном потенциале и заключен содержательный ресурс литературы. Каждая проблема, увиденная глазами личности, обнаруживает в себе множество «человеческих измерений», множество истин, не одну. Даже Гришка Мелехов, далеко не дворянин, видел и истину красных, и истину белых; истину семьи – и истину любви. Чем хуже ему – тем интереснее читателю. Проблема превращается для героя и, соответственно, читателя в своеобразную ловушку, смысл которой заключается в неизбежности выбора как духовного акта – осмысленного, взвешенного выбора, за который надо быть готовым нести ответственность. Выбор является следствием того, что личность имеет картину мира, обладающую потенциалом, позволяющим бесконечно совершенствовать сложную картину мира. Духовная жизнь с ее «технологической стороны» существует именно как перманентный выбор в ситуации ловушки, иногда критически важный.

Таким образом, духовную жизнь личности схематически можно представить как цепь ловушек, соединенных между собой в глобальную сеть. Условием счастливой жизни становится верный выбор, а условием верного выбора – верно вы-

бранная навигация: картина мира, система ценностей и идеалов. Ловушки представляют собой некие узелки судьбы для личности. «Расставлять ловушки» является не приемом, а способом существования литературы экстра-класса, способом воплощения личности. Все великие сюжеты являются моделью великих ловушек. Если писатель не способен обнаружить новую, ранее невиданную ловушку, коварную своей незаметностью, зачем он писал? С какой целью?

Чтобы что, как говорят сегодня, когда не умеют формулировать вопрос?

Чтобы художественно воплотить экзистенциальную нравственно-философскую *ловушку*, нужен стиль, особая художественная технология, которая, судя по всему, сегодня утрачена. Как говорится в подобных случаях, секреты мастеров классической литературы утрачены. Почему и как это произошло – это отдельный вопрос, который мы сейчас не рассматриваем.

Но самое печальное (чтобы не сказать страшное), мало кто понимает, что происходит. Ведь «Капитанскую дочку» читают, «проходят» в школе. Но ловушек в ней не видят, не замечают, – попадая тем самым в ловушку невежества. По себе, по своим потребностям судят о литературе. Ты читаешь «Капитанскую дочку», а она читает тебя. Этот трагический культурный диалог немомо-слепого с немомо-глухим, по сути, уже не замечают, не слышат, не внимают ему.

Таким образом, мы исходим из того, что до Пушкина лич-

ности в литературе не было. Евгений Онегин – это человек разумный, который с помощью разума пытался решать экзистенциальные проблемы человека: что такое добро, зло, свобода (вольность), любовь, счастье. Личность вырабатывает культурные потребности и живет, руководствуясь высшими культурными ценностями.

Таков культурный код, такова в свернутом виде, в виде мировоззренческих архетипов и матриц, культурная программа русской литературы золотого века, а значит, и серебряного века (пусть отчасти), и любого другого века, настоящего и грядущего. Код он и есть код, нечто сущностное, присущее феномену, код невозможно изъять из художественного дискурса; его можно в той или иной степени либо активизировать, либо нейтрализовать.

«Большой стиль», с моей точки зрения, должен помочь авторам и читателям посмотреть на нашу литературу как на способ управления смыслами. Пока что в нашем литературном процессе мы имеем, увы, ситуацию «Большого штиля», которая маскируется под невиданное разнообразие стилей и «трендов». На первый взгляд, «цветут сто цветов». Однако по странному умолчанию, по непонятному «соглашению сторон» в литературе доминирует либо «искусство играть словами» (ау, век серебряный), способ эстетического самовыражения, что превращает литературу в оторванный от жизни «гейм-проект», – либо «искусство массового развлечения», что превращает литературу, уникальный инстру-

мент культуры, в сегмент рынка развлечений для зомбированных потребителей, «желудков в панаме».

Мы имеем идеологическое доминирование Матрицы потребителя-индивида. Человека простейшего. Нас не спросили, нас поставили перед фактом. Литература как способ управления смыслами, как способ духовного производства, способ превращения индивида в личность, способ оздоровления и мобилизации общества оказалась не у дел; прямо говоря, оказалась на задворках литературного процесса в качестве изгоя и жалкого неудачника. В конечном счете – оказалась не нужна культуре, обществу и государству. Так, якобы, распорядилась история, а не воля стоящих за рыночными ценностями и отношениями людей. Исчезли писатели, поэты, читатели, критики и литературоведы, ориентированные на Большой стиль как выражение высших культурных ценностей, таких как Истина, Добро, Красота, Свобода, Справедливость, Счастье, Семья, Патриотизм. Исчезли Герои Нашего времени. Исчезли высокие идеалы. Исчезли сам воздух человека культурного и среда его обитания. Исчезли нравственные коллизии. Исчезли божественные законы мироздания. Исчезла потребность создавать образ будущего. Будто и не было никогда Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Шолохова, Шукшина, Вампилова.

Однако свято место пусто не бывает. Место Большого стиля нагло узурпировал самозванный, чуждый нашей цивилизации «Мелкий стиль», легионами «мелких бесов» в панамах

обслуживающий интересы врагов личности и культуры.

Проект «Большой стиль» призван исправить ситуацию. Разве можно дальше принимать «порядок вещей», когда река литературы, по большому счету, превратилась в ручеек? Когда Пушкина сделали «лишним»? Когда клянутся именем Пушкина ради того, чтобы его не читать, не изучать? Когда большой и сложный роман «Война и мир» пытаются убрать из школьной программы?

«Большой стиль» призван вернуть в литературу и просто-го героя, и сложную личность (два героических начала в одном сознании) – и, следовательно, критику с литературоведением.

I. Литература – это способ управления смыслами

1. Кант vs комбат, или Литература – феномен идеологии Самое главное о литературе в девяти тезисах

Что такое идеология

Я всю жизнь занимался литературой, чтобы понять, что никакой литературы, отлученной от идеологии, не существует. Если ты говоришь о литературе, то рано или поздно придешь к идеологии; а если не придешь, то ты говорил не о литературе.

Это может показаться шуткой. Так или иначе ее смысл направлен вовсе не в шуточную сторону. Хочешь понять литературу – разберись с идеологией и культурой.

Предмет литературы складывается из двух составляющих: идей (смысла) и стиля (способа выражения смыслов, «красоты»). В классической традиции, восходящей еще к Аристо-

телю, – из содержания и формы.

Очевидно, что из двух составляющих чем-то специфически литературным – тем, что кроме как в литературе более нигде не присутствует, – является *словесно-художественный стиль*, способ подачи и организации ценностносмыслового дискурса. Что касается содержания как такового (семантики, так или иначе связанной с природой человека, и философской антропологией, с ценностным ядром культуры), то литература не контролирует эту сферу жизни человека. Литература не производит ценности и смыслы и не управляет ими; ровно наоборот: ценности (содержание) управляют литературой (стилем). Если литература исчезнет, смысловые ценности не исчезнут вместе с ней; если исчезнут ценности, то почти вся литература, имеющая значение для мировой культуры, исчезнет вместе с ними.

При этом утверждать, что литература является «служанкой идеологии», – значит принизить культурный статус и потенциал литературы; отрицать «прислуживание», то есть зависимость, – глупо. «Служанка идеологии» – это идеологическая маркировка идеологии, направленная на дискредитацию литературы. Надо корректировать термины: литература – инструмент идеологии, что вовсе не унизительно; напротив, литература выполняет важнейшую культурную функцию.

Что такое идеология?

Идеологию мы трактуем как тип управления информаци-

ей, который позволяет превращать идеи в материальную силу. **Идеология** – это *учение о вере в идеи* (истинные или ложные), которые, обращаясь к каждому персонально, способны объединить общество, становясь при этом силой, предназначенной для изменения реального мира¹.

Термин «идеология» в научный оборот ввел французский философ Антуан Дестют де Траси в конце XVIII века. С тех пор количество трактовок этого термина стало запредельным, а качество не поддается внятной систематизации.

Понятие «идеология» образовано от двух греческих слов (греч. ἰδεολογία; от ἰδέα «прообраз, идея» + λόγος «логос, слово, разум, учение»). Следовательно, этимологически идеология является учением об идеях, о системах идей. Однако, с нашей точки зрения, такое определение в корне искажает сущность идеологии и ее предмет в сегодняшнем их понимании.

Мы будем придерживаться иной трактовки термина идеология. Идеология в нашем понимании – это не учение об идеях или о системах идей, несущих мировоззренческую нагрузку; это отчасти верно, но в целом дает искаженное представление о предмете. Идеология – это нарратив, с одной стороны, про связь личного и общественного, а с другой сто-

¹ Идеология как феномен культуры и цивилизационный ресурс России: Монография / А. Н. Андреев. – М.: Снежный ком, – 300 с. URL: <https://mgutm.ru/2023/12/11/professor-kafedry-fsht-vypustil-monografiyu-ob-ideologii/>

роны – про связь двух языков культуры: веры и идей (познания).

Идеология – это научный контент, изложенный ненаучным (образным) языком. Если говорить о структуре, то идеологию как целостный, многоплановый и сложно устроенный антропологический нарратив можно с известной долей условности представить как взаимодействие трех уровней:

- Картина мира,
- Матрица,
- Технология.

Под «Картиной мира» мы подразумеваем систему ценностей человека, сознательно сформированные мировоззренческие установки, которые служат основой для формирования мотиваций и моделей поведения.

«Матрица» – система ценностей, данная в образной, чувственно воспринимаемой форме (в мироощущении).

«Технология» – инструмент перевода с языка «Картины мира» (мировоззрения) на язык «Матрицы» (мироощущения).

Вводим эти понятия как термины, поэтому пишем с большой буквы – с целью отделить термины от метафоры.

Идеология – это нарратив про создание «Картины мира» (идеи, понимание, доказательство), переходящий в нарратив про веру в Картину мира («Матрицу») и Информационную Технологию перевода понимания в веру. Картина мира доказывает, Матрица – убеждает.

Формулируем наш ПЕРВЫЙ ТЕЗИС. Литература – феномен идеологии, имеющий отношение не к производству идей, а к технологии их передачи. Литература – это, если продолжать пользоваться метафорой, не «фабрика идей», а «фабрика превращения идей в образы». Литература специализируется не на производстве идей, а на переводе идей в образы, на переводе языка понимания на язык веры (язык чувств). Литература не производит идеи, она заставляет в них верить, хотя при этом кажется, что именно литература является «фабрикой идей». Это обман наивной культурной оптики.

Уже одно это обстоятельство заставляет задуматься над тем, что же такое литература и каковы ее функции в культуре.

Таким образом, *литература в контексте идеологии и культуры*, – это Технология. Но это особого рода Технология. Литература в плане информационном гораздо ближе к идеям, к Картине мира, по сравнению с иными видами искусств. Поэтому идеологический потенциал литературы неизмеримо выше.

Идеи, мысли и образы как языки культуры

Поскольку литература является «самым умным» (смыс-

лонасыщенным, семантикочувствительным) из искусств, имеет смысл разобраться с этим самым «умом литературы». С помощью слова в литературе создаются образы, то есть передаются и воспринимаются чувства; но слово, основной рабочий литературный инструмент, одновременно является инструментом мышления, которому образы противопоказаны (мышление осуществляется с помощью понятий). Иначе говоря, художественное слово, с одной стороны, заточено на образность, а с другой – блокирует эмоциональность своим «понятийным» потенциалом. Слово в литературе – амбивалентно: оно умудряется создавать образы, задействовав при этом потенциал понятий.

Как это происходит?

Между *идеями* и *образами* существует некое связующее звено, – информационная единица, которую точнее всего обозначить термином *мысль*².

Чем отличаются мысли-смыслы от идей?

Идеи – это структурированные (систематизированные) смыслы в контексте четко обозначенного принципа познания мира (Картины мира). Идеи – это собранный из мыслей иерархически организованный пазл (объект познания), где каждая отдельно взятая мысль занимает свое, строго отведенное ей место.

² Зачем нужны умные люди? Антропология счастья в эпоху перемен / Анатолий Андреев. – М.: Изд-во АСТ, 2022. – 692 с. – (Психология. Высший курс). URL: <https://www.litres.ru/anatoliy-andreev/zachem-nuzhny-umnye-ludi-antropologiya-schastya-v-epohu-p/chitat-onlayn/>

Мысли, в отличие от идей, – это не привязанные к принципу познания смыслы, которые, словно кошка, гуляют сами по себе и никак не хотят складываться в пазл, в систему, в Картину мира. Мысли можно применить к любому принципу познания – потому что они живут вне контекста.

За идеи, за которыми стоит претензия на объективное отражение мира, то есть наука, приходится нести культурную ответственность; за взлет мысли, за томления и прозрения «духа», за субъективный взгляд на вещи никто не несет культурной ответственности (мыслить – значит, «не ведать, что творишь»).

Идеи ценятся за объективность, вольные мысли за оригинальность.

За оригинальные мысли и смыслы легко спрятаться (мыслители, малые сии, не ведают, что творят); идеи же разоблачают мыслителя донага, до фигового листочка.

Мысли – рабочий инструмент интеллекта; идеи – рабочий инструмент ума.

От произвольно собранных в кучу смыслов веет «свободой мысли»; от выстроенных идей за версту «несет законом», то есть ограничением свободы. Поэтому мысли и мыслителей люди любят, ибо «малые сии» дарят иллюзии (они «добрые»); идеи и тех, кто их вынашивает, ненавидят, ибо они безжалостно отбирают иллюзии (они «злые»).

Получается, что едва ли не само вещество гуманизма связано именно с мыслями, а идеи – смерть культуре. Это миф,

созданный «мыслителями» в отместку за то, что они не умеют думать.

Главным здесь для нас является следующее. Мысли гораздо ближе к образам как языку информации, нежели идеи. Собственно, мысли есть не что иное, как «разбавленные» образами идеи. Мысли – это аморфные идеи, «идеи в тумане», неотформатированные (не встроенные в концепт) идеи. Мысли оказывают более сильное воздействие на чувства по сравнению с идеями. В «туманные» мысли легче поверить, нежели в идеи: в них каждый увидит то, что захочет.

Одно дело приглашение к размышлению (обо всем и ни о чем), приглашение присоединиться к процессу, и совсем другое – извлечение смыслов до такой степени ясности, которая превращает смыслы в идеи, а идеи – в руководство к действию, к принятию решений.

Литература в лучшем случае приглашает к размышлению, в худшем – призывает вообще не думать.

Формулируем наш ВТОРОЙ ТЕЗИС. Ценности – идеи – мысли – образ – стиль: таков идеологический курс литературы. В феномен литературы как таковой ее превращает стиль.

Литература – инструмент идеологии, или Кант vs комбат

Как функционирует литература в качестве инструмента идеологии?

Литература – *вся мировая литература* – держится на одной коллизии. На одном универсальном противоречии. Это кажется невероятным, но это именно так. Еще более невероятным кажется то, что к открытию коллизии, которая стала законом литературы, более всех приложила руку именно русская литература. И в первых рядах был А. С. Пушкин. Об этом будет достаточно много сказано в предлагаемой книге.

Мы любим (это несомненно) и знаем (как нам кажется) русскую литературу, но ничего не знаем и знать не хотим о законе, который ее сформировал. Странно, не правда ли? Какой-то подозрительно лишний закон, который я условно назову «Кант vs комбат».

Чтобы разобраться в этом непростом вопросе, обратимся «идеологическому» стихотворению Ю. Друниной «Комбат», 1943 г.³ Во избежание недоразумений, сразу же скажу, что я с большим уважением, с пониманием (как мне кажется) отношусь к поэзии Ю. Друниной. Однако к нашему разговору поэтесса сама по себе не имеет никакого отношения. Вместо

³ Друнина Ю. В. Стихи о войне – М.: ЭКСМО, 2010.

ее стихотворения можно взять тысячу других. Дело в коллизии, а не в Друниной. При этом Друнина ярко, с присущей ей солдатской прямоотой, воплотила коллизию. А это нам и надо.

*Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули —
Всегда стрелял без промаха комбат.*

*Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.*

*Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.*

*И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!*

Мысль (продукт интеллекта) поэтессы ясна: на войне как на войне, всякое бывает; на войне хорошо то, что работает на нашу победу. Сам человек – средство для достижения по-

беды – если, вы хотите победить, конечно. Комбат сделал то, что однозначно работает на победу. Следовательно, «никто его не смеет осуждать». Вины комбата нет. Он поступил в соответствии с моралью, «по понятиям» того времени. Комбат – воин, а не сопливый мальчишка. Других не жалеет, да, но и себя не щадит.

Таков поэтический приговор.

За мыслью сквозит идея (продукт разума), которая для Друниной не актуальна, но которая заставляет посмотреть на ее мысль в контексте высших культурных ценностей (то есть с точки зрения разума). Приведем популярную аранжировку категорического императива Канта: «Человек всегда должен быть целью и никогда – средством». Это высший (абсолютный!) принцип нравственности, противоречащий морали комбата. Кант, а не комбат, выступает подлинным субъектом культуры.

Девятнадцатилетняя Друнина с открытым забралом вступает в конфликт с матерым мудрецом Кантом. По Друниной получается: если ты *задался целью победить фашизм*, то человек неизбежно превратится в средство. Не по вине комбата, а по логике вещей, по логике жизни. Хочешь победить врага? Надо скорректировать цель, сердцевину культуры. Вечную и, чего греха таить, несколько абстрактную цель-императив «Человек» придется заменить (временно, конечно, временно!) на сиюминутную и конкретную «Победа». При этом долгосрочная цель, на первый взгляд, никуда не

исчезла, и она не противоречит императиву. Победим врага – вернемся к человеку. Пусть Кант подождет, пока не до него.

Кант на словах выступает за Человека как точку отсчета, а комбат – на деле. Кто матери-культуре более ценен?

Комбат, вот кто. Наивная культурная оптика видит мир перевернутым с ног на голову.

Дьявол сокрыт в деталях, или, иначе, все на свете состоит из роковых нюансов: *кажется*, что комбатовская цель – победа над фашизмом! – развязывает руки тем, кто хочет добиться цели «по Канту». Кант – стратегия, комбат – тактика. В таком случае уже комбат, готовый отдать жизнь за свои убеждения, становится субъектом культуры. Хотите мира по Канту – зовите на помощь комбата. Философы понапридумывают, а комбаты воплощают.

Но тут также сокрыт роковой нюанс. Комбатовская цель достигается *любыми средствами*, что означает: средства в принципе могут подменить цель. По Канту – не могут; по комбату – могут и должны. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Кант забыл, комбат – нет.

Комбатовская цель (Победа над фашизмом) – это средство для кантовской цели (Человек); кантовская цель для комбата – пустая фикция, фантом, происки слюнтяев и врагов, проявление слабости. Никто не смеет осуждать комбата, даже Кант.

А вот комбат Канта – смеет, так сказать, право имеет.

Ох, уж эта наивная культурная оптика...

Ставим вопрос ребром. Кто является подлинным субъектом культуры? Кто прав: Друнина-комбат или Кант? В силе Бог или в правде? (Вопрос правоты и веры в нее – это уже чисто идеологический вопрос.) «Кант vs комбат», «нравственность vs мораль», коротко говоря.

Давайте расставим все по своим местам, с головы на ноги. Если прав Кант, то и у комбата появляется шанс. Если прав комбат, то «Победа» над фашизмом станет способом уничтожения «Человека». Если Кант прав, то комбат, хоть без вины, но «все же, все же, все же» (великий кантовский нюанс в аранжировке Твардовского) виноват (чего нет в стихотворении Ю. Друниной). Тот, кто воюет за истину (Человека), а не только за Победу над фашизмом (в этом лишь толика истины), должен чувствовать свою вину за то, что пусть невольно, согласно бесчеловечной логике вещей, но все же, все же предал императив Канта – суть гуманизма.

Суть гуманизма не в Победе над фашизмом, а в том, что Человек – цель.

Если в комбатовской цели не присутствует цель Канта, то комбат превращается в носителя зла; если присутствует – то в носителя добра. Таков культурный приговор комбату. Комбат, конечно, должен вносить свой вклад в Победу, обязан выполнять свой долг, но не с оскалом фанатика, а со вселенской скорбью в душе. Комбат должен быть Человеком.

Кант, высший субъект культуры, прав как культурфилософ; Друнина права как поэт и бескомпромиссный, но наивный, антифашист. Кант прав с позиций разума, нравственности и культуры, Друнина права интеллектуально, морально и эмоционально.

Перед читателем возникает проблема выбора. «Кант vs победоносный комбат».

Наш ТРЕТИЙ ТЕЗИС таков. Подлинный субъект культуры всегда ориентируется на нравственный императив Канта как высшую культурную ценность; следовательно, моральную позицию любого комбата следует изображать и оценивать с нравственных позиций Канта. В противном случае поэтическая победа обернется культурным поражением – моральная победа обернется нравственным поражением.

Таков закон великой литературы.

Писатель почти всегда занимает позицию условного комбата, превращая литературу в служанку политики, патриотизма, красоты, религии, семьи, чего там еще.

Критик должен, обязан оценивать писателя с позиций Канта.

Вот зачем нужна критика.

Литература – вечная служанка идеологии?

Здесь мы остановимся и спросим себя: что мы сейчас обсуждали? Где в нашем обсуждении литература?

Когда читатель воспринимает стихотворение, то обсуждение его содержания, как правило, сосредоточивается в семантическом зазоре между истиной Канта и правдой-маткой комбата (общим и частным, целью и средством). Обсуждать качество этической идеи – значит обсуждать не стихотворение Друниной, а ценности культуры. В подобном обсуждении подлинный предмет литературы (стиль) отсутствует, потому что как бы растворяется в содержании. Это с одной стороны. С другой стороны, стиль работает на продвигаемый автором смысл, следовательно, обсуждать стиль вне смыслового контекста – некорректно. Принять стиль Друниной можно только вместе со смыслом.

Обсуждать можно и нужно веру поэтессы в свои мысли (или идеи). Ее *пафос* (идеи (мысли) + вера в них), как говорили когда-то теоретики советской школы⁴. А также стиль, который и реализует то, что мы называли пафосом.

А это уже чистой воды идеология (за вычетом стиля). Друнина выступает как политрук. Тот, кто принимает ее мысли, также разделяет убеждения политрука; тот, кто не при-

⁴ Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. – М.: Просвещение, 1976.

нимает, выступает с иных идеологических позиций. Если вы (с помощью Канта) обнаруживаете более высокий культурный смысл, стихотворение резко утрачивает художественную ценность. Таков закон литературы.

Так или иначе, обсуждается не стиль; обсуждается идеология с определенных идеологических позиций. Спорить можно бесконечно. Но где здесь литература?

Необходимо зафиксировать тот момент, который *неизбежно делает литературу идеологией*. Поэтесса не отвечает, не несет ответственности за качество Картины мира; я художник – я так вижу, как говорится. С поэта взятки гладки: какой с него спрос? Не читают поэты Канта, даже презирают его на всякий случай, но почему-то считают себя вправе вступать с ним в спор. Малые сии не ведают, что творят. И наивность они часто почитают за большое литературное достоинство. Но! В реальности смыслы не бывают бесхозными, они всегда приведены в определенный идеологический порядок.

Друнина заражает своей верой в идеи-мысли (истинные или ложные). Вера в идеи (или праидеи – мысли), которые, обращаясь к каждому персонально, способны сплотить общество, становясь при этом реальной силой, делает литературу идеологией.

Литература становится проводником идеологии. Качество идеологии – это уже философско-культурологический, а не литературоведческий вопрос. Стихотворение «Комбат»

впечатляет как образец советской идеологии «человек ничто, Родина все», «сначала думай о Родине, потом о себе», «кто не с нами, тот против нас». Но если соотнести идеологию с культурной ценностью (человек есть цель, но не средство), то ложный смысл делает и пафос ложным. Здесь уже никакой стиль не спасет.

В таких случаях говорят: стихотворение осталось в своем времени. Наступило иное время, пришла более универсальная идеология – прежняя стала неактуальной.

НВ. Я не сказал, что Друнина плохая и что ее стихотворение никуда не годится. Я сказал другое: на беду Друниной, в мире существует Кант.

Писать стихи – не мешки ворочать. Это большой культурный труд.

Существует иная идеологическая возможность. Некоторым особо чутким к поэтическому слову творцам удается «отделить» форму (стиль) от содержания, наделить форму функциями содержания (сделать стиль важнее смысла). В качестве примера укажем на стихотворение Б. Пастернака «Сумерки... Оруженосцы роз», 1913. Но бессодержательное «чистое искусство» (корифеи которого ранний Пастернак, поздняя Цветаева, В. Набоков, С. Соколов) – не является исключением из правила «литература есть форма идеологии». Если стиль важнее содержания, следовательно, средство важнее цели. Человек уже не цель, а материал для Его

Величества Искусства (стиля). *Vita brevis est, ars longa*. В результате мы имеем «Кант vs „эстетический“ комбат». «Чистое искусство» – это также идеология, также весьма неоднозначная, дискуссионная и агрессивная.

Литература не может быть служанкой даже «чистого искусства». Грязное это дело.

Формулируем наш ЧЕТВЕРТЫЙ ТЕЗИС. Литература, претендующая на статус великой, не может быть служанкой идеологии (любой), продвигая архаическую моральную формулу «человек есть средство, но не цель».

Литература – это способ прикоснуться к истине

А бывает ли так, что идеологическая Картина мира, которой придерживается художник, не противоречит научным (условно – кантианским) представлениям о ней? Бывает ли так, что Картина мира определенного художника ближе к истине, чем остальные? Бывает ли так, что художник и доказывает, и убеждает одновременно, делая это на пределе человеческих возможностей? Бывает ли так, что идеология, а вместе с ней и произведение, переживают свое время? Бывает ли так, что литература не служанка, а способ познания? Может ли литература дорасти до Канта и развивать его идеи? Может ли литература перестать быть служанкой?

Конечно, может и бывает. Когда мы говорим о классике, мы имеем в виду именно это. В случае совпадения позиций *ценности – идеи – образ – стиль* мы получаем шедевр, подлинную гармонию смысла и стиля. Таких шедевров в литературе мало. Они возникают тогда, когда поэту и писателю удается за счет личного ресурса усвоить сложнейшую гуманистическую Картину мира и поделиться своей верой в нее с читателем. Универсальность идеологической картины мира становится художественным качеством произведения. Никто не называет Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Достоевского или Чехова идеологами, а зря. Их творения в высшей степени идеологичны; но их идеологическая направленность незаметна именно потому, что универсальна: они включают в себя и библейский, и кантовский, и друнинский дискурсы. Все это мы видим, например, в стихотворении А. С. Пушкина «Я вас любил». И уж конечно – в «Евгении Онегине». В следующем своем материале я покажу это на примере «Капитанской дочки».

Ведь что такое «лишние люди», величайший феномен, открытый русской литературой, с точки зрения информационной технологии? Это личности, которые относились к себе, то есть к ресурсу человека в принципе, в кантианском ключе – как к цели; по этой причине для всех остальных, рассматривающих человека как средство, они были лишними, слишком умными. Даже Петруша Гринев, даже Гришка Мелехов.

Тот, кто относится к себе и другим как к цели, обречен испытывать комплекс «горе от ума». Тип или модель «лишних людей» – колоссальный идеологический ресурс, дарованный нам великой литературой.

Наши классики дали потрясающие образцы умной литературы, которая пробуждает умные (противоречивые) чувства. Не игра интеллекта, а поиски Картины мира, которая стала культурным кодом русской цивилизации, – вот чем ценно творчество великих классиков.

Наш ПЯТЫЙ ТЕЗИС гласит: Литература, ставящая во главу угла Человека как цель, становится не служанкой, а способом прикоснуться к истине.

Истине служить нельзя. Отношения с истиной навсегда избавляют субъект культуры от комплекса служачи (комбата).

Именно такая литература является элитарной. Великой. Именно такая литература необходима для изучения в школе и университете. Именно такая литература развивает мышление, и у читателя появляется шанс обнаружить в себе личность. Именно такая литература спасет мир, если его способно что-нибудь спасти.

Именно такую литературу надо сегодня делать. Именно на это надо ориентировать молодых писателей и читателей.

Ихтиолог vs рыба

В нашей работе мы говорим о том, что представляет собой категория *содержание* применительно к литературе и какова его *структура* (универсалии-истины-Кант vs правда-матка-комбат). Проблема содержания и его структуры тесно связана со *способом существования* художественного содержания. Настолько тесно, что многим проблема содержания кажется надуманной, не имеющей отношения к художественности. Как это *идеи переходят в образы*? Ну, вот как? Что это за чудеса?

Ведь наука и искусство говорят на разных языках. Наука говорит на языке абстрактно-логических понятий, искусство – на языке образов. Можно ли на языке образов передать идеи Канта или комбата?

Да, такая проблема существует, и мы сейчас ее коснемся. Давайте перейдем на язык образов, если писателям так понятнее. Писатель (особенно поэт) – это рыба: плывет туда, не знаю куда, но приплывает туда, куда надо. Але-оп. То ли чудо, то ли фокус.

Ученый – это ихтиолог: он изучает повадки рыб и знает о них куда больше, чем рыбы о себе.

Я себя в шутку называю ихтиАндром. Я ведь Андреев, древнегреческое слово «ἄνδρός» (по-нашему можно прочитать как «андрос») означает «мужчина». Напекаю на то, что

могу жить в режиме и рыбы, и ихтиолога. Ихтиандр – это земноводное. Типа писателеученый или ученописатель. Кто сказал, что между писателем и ученым фатально нет связи и понимания? Связь есть.

Идеи (язык ихтиолога) адресованы уму-разуму, образы (язык рыбы) – чувствам. В принципе – это суть проблемы. Писателей особенно волнует именно этот «волшебный момент» перекодировки, перехода с одного языка культуры (абстрактно-логического, научного) на другой (иррациональный, образно-литературный). Эта проблема формулируется не как «Кант vs комбат», а как «Идея vs образ», «Ум vs душа», «Ихтиолог vs рыба». В таком ключе. Это проблема литературы как Технологии.

Нельзя сотворить образ (епархия рыбы) и при этом не выразить идею (епархия ихтиолога). Это *не-воз-мож-но*. Почему – это, опять же, отдельный вопрос, он уведет нас еще в одну сторону. Это вопрос *взаимодействия психики и сознания*, но простым, не обученным рыбам такое неинтересно; им интересно такое: вот выдал писатель эмоцию (помолился, проклял, поненавидел, полюбил, разочаровался – по 50 оттенков на позицию) – и все ихтиологи мира начинают разбирать, что он там начудил. И это, конечно, «доказывает», что поэт-рыба посрамил высоколобых ихтиологов. И учиться не надо, и гениальной рыбой можно стать. А какой с рыбы спрос?

С нее, скользкой, взятки гладки.

Да, писатели-поэты-рыбы, как правило, не способны мыслить, они заточены на передачу ярких переживаний в оригинальных образах. Но! Переживания наши – это результат работы ума (салют ихтиологам). Есть умные чувства (тонкие глубокие, противоречивые), а есть глупые и примитивные. И рыбы, соответственно, есть крупные (умные), а есть мелочь пузатая (с одной извилиной). Умные рыбы воспитывают чувства с помощью ума, глупые (душевные, по их мнению) пытаются изолировать чувства от ума. Писатели, возможно, и не подозревают о наличии умных чувств, но они существуют как объективная реальность. Это закон.

Мы привыкли говорить *образ*, имея в виду, что он, в отличие от *понятия*, является носителем эмоций и чувств. Однако образ в такой же мере способен быть носителем идей.

Правильнее говорить о синтетическоммыслеобразе, об «образной идее»; иначе говоря, образ следует понимать как мыслеобраз, и никак иначе.

Что я предложил в данной своей работе?

Я предложил принципиально оценивать «рыбьи мыслеобразы» (воспитание чувств) по высшей шкале ума, по шкале ихтиолога (по Канту, условно). Писатели, страстно переживающие по поводу того, что «человек есть средство», – это уже пройденный культурный уровень, низший, комбатовский (условно).

Те, кто способен переживать (создавать высокий строй

чувств, сложные эмоции) по поводу «человек есть цель», – это высший культурный уровень.

Рыбу не спасает от необходимости мыслить то, что она рыба. Плоха та рыба, которая не стремится быть если не ихтиологом, то ихтиандром (я не о себе, разумеется; я о законе). Чем умнее писатель, тем глубже, противоречивее его образы (об этом подробнее в следующем моем материале). Это закон.

Да, для рыбы закон не писан. Тем хуже для нее, ибо: закон работает. На то он и закон.

Да, это схема. Но она работает – в каждом конкретном случае. *Sapienti sat.*

Содержание, утверждаю я, не зависит от художника (рыбы). Не рыбе это дело. Но умный художник всегда выберет закон, а не свою «рыбью долю», всегда займет сторону ихтиолога.

Ум дает качество образам. Качество писателя – его ум (хотя кажется, что умение создавать образы). Никакой душевной тонкости не существует отдельно от ума; именно ум – предпосылка точности.

Вся современная литература, с моей точки зрения, «работает» на уровне комбата – эстетического, религиозного, политического, развлекательного: на выбор. Поэтому я утверждаю: современная литература по меркам Канта «гонит порожняк». Тексты устаревают уже на стадии замысла. Все пи-

шут о прошлом, словно какие-то злые чары опрокинули нас в допушкинский этап развития литературы. (Да, не исключая, что уже существуют великие тексты. Я их не видел. Но они точно будут. Ихтиологи в помощь.)

Если кому-то нравится такое положение вещей – он его принимает.

Мне – не нравится. Я пытаюсь обратить на это внимание тех, кому это интересно. Во имя великой литературы.

В общем, Кант (читай – Пушкин) – это наше все.

Формулирую ШЕСТОЙ ТЕЗИС. В конечном счете, ум, определяющий качество содержания, определяет и качество образов. Содержательные образы не могут существовать отдельно от содержания: это нонсенс.

Ключевые смыслы нашей идеологии

Если мы хотим поддерживать нашу культурную традицию, продвигать культурный код нашей цивилизации – добро пожаловать в кантианское измерение.

Теперь про кантианское измерение, про Картину мира подробнее.

Представление о сущности и структуре идеологии позволяет нам сравнить идеологические потенциалы Запада и России в ключе если не гарантированно объективном, то максимально удаленном от субъективности, – хочется ду-

мать, максимально научном (с поправкой на то обстоятельство, что ученые также подвержены идеологическому воздействию).

«Матрица» культивирует бессознательное отношение к миру; «Картина мира» – сознательное. При этом важно понимать, что качество «Картины мира» (качество системы) напрямую не определяет качество «Матрицы» (качество интуитивного восприятия системы). Определяет в конечном счете, но не обязательно здесь и сейчас.

Качество «Матрицы» может быть как выше, так и ниже качества «Картины мира».

Вот этот зазор между уровнями идеологии критически важно иметь в виду, когда мы сравниваем идеологический потенциал Запада и России.

Нам уже неоднократно приходилось писать, что зерно западной «Картины мира» можно описать с помощью формулы **«не в Правде Бог, а в Силе»**. Их культурный код направлен на упрощение мира и человека – не на адекватное, а на упрощенное восприятие реальности. В данной статье нет места, чтобы комментировать и раскрывать культурфилософскую формулу, поэтому придется ограничиться сказанным.

Зерно нашей «картины мира» зеркально противоположно: **«Не в силе Бог, а в Правде»**. Наш культурный код отражает сложность реального мира и амбивалентно устроенного человека. Наша «Картина мира» более сложна и при

этом более объективна в силу своей ориентации на многомерность и противоречивость мира и человека. Следовательно, восприятие нашей «Картины мира» (Правда, Истина, Справедливость) требует больших умственных затрат и усилий – требует ресурсов не только интеллекта, воспринимающего мир (объект) как систему, но и ума, воспринимающего мир как внутренне противоречивую целостность.

Западная «Матрица» в силу своей «простоты» (цена которой – оторванность от реальности) оказалась привлекательнее нашей. Востребованность и популярность их storytelling'ов выше, чем наших. Они более технологичны, а кажется, что они умнее нас и вследствие этого более успешны. Пока что в сфере идеологического противостояния создается впечатление, что побеждает коллективный Запад, потому что их «матрица» громко говорит с миром простым, доходчивым, ярким и убедительным языком. Их storytelling (кино, литература, массовое искусство, массовая культура) весьма эффективно доносит смысловой посыл «не в правде Бог, а в Силе». Следует признать, что Голливуд (при всех нюансах) – это не столько фабрика грез, сколько фабрика идеологии, фабрика storytelling'ов, повествующих о торжестве Свободы, за которым стоит культ Силы.

Они научились преподносить свою идеологию как более успешную. Их «матрица» эффективнее, а кажется, что их идеология лучше, потому что они умнее. В идеологическом противостоянии они вывели из игры (нейтрализовали, низ-

вели до уровня нулевой эффективности) главный компонент и высший уровень идеологии – работу над созданием «картины мира». Поэтому многим кажется, что они побеждают, что они успешнее.

Позволим себе продемонстрировать на одном примере, как «Картина мира» формирует «Матрицу» с помощью «Технологии». Если попытаться в трех словах изложить все, что мы сказали об идеологии (то есть технологично перевести нашу «картину мира» и «матрицу» в доступный всем лозунг), то применительно к России слова будут такими: **«Родина. Правда. Победа»**. По виду это простой, но по содержанию сложный лозунг.

Родина – это концепт, идейная квинтэссенция «картины мира». Без Родины, которая несет миру свет Истины, все остальное теряет смысл. Понятие Истина глубинно связано с понятием Родина.

Правда – это квинтэссенция «матрицы», состоящей уже не из «вещества» идей, а из «вещества» убеждений. Правда – это вера в правоту Родины. Вот почему скульптура «Родина-мать зовет!» воспринимается нами как сакральная.

Победа – это цель и результат нашей идеологии, опорные точки которой Родина и Правда.

Локализуем понимание идеологии: это восприятие своей Родины в свете Правды, что позволяет всем и каждому стремиться к Победе. В данном случае идеология выступает в качестве философии патриотизма. Мы ратуем за

торжество Правды (высших культурных ценностей), поэтому открыто выступаем за доминирование высших культурных ценностей, за диктатуру культуры. У нас есть моральное право выступать за диктатуру культуры, потому что мы открыты и честны перед собой, миром и наукой, инструментом познания истины.

Три ключевых кодовых слова, выражающих суть идеологии Запада, их credo, будут совершенно другими. Наши «партнеры» не спешат их афишировать, произносить вслух. Попытаемся объективно перевести их реальный идеологический контент в адекватный лозунг. По нашей версии слова должны быть такими: **«Свобода. Сила. Удовольствие»** (как вариант **«Свобода. Деньги. Кайф»**). За ними скрывается установка на диктатуру природы, диктатуру «религии наоборот».

Что сообщают о себе наши идеологические противники и что утаивают?

1. Их сообщение звучит настолько шокирующе цинично, что они, избегая репутационных рисков, никогда не озвучивают все составляющие формулы, и ограничиваются только первой, наиболее привлекательной частью: Свобода. Они манипулируют информацией. С какой целью? С целью скрыть главную, содержательную часть: Силу. Под брэндом Свобода, увековеченном в статуе Свободы на острове Свободы, они продают Силу и Удовольствие. За ценностью

культуры (Свобода) они скрывают ценности природы (Силу и Удовольствие). При этом имеют имидж лидера цивилизации. Стоит признать: это триумф манипуляции.

2. Полная формула успеха – Свобода. Сила. Удовольствие – являет себя во всем блеске не для всех, а только для тех, кто согласен так жить. Кто не согласен, того силой заставляют жить в соответствии с заявленным credo или силой уничтожают. Ничего личного, только Сила.

3. Почему они прибегают к манипуляции? Потому что на самом деле ницшеанская идея абсолютизации Силы является аморальной, несправедливой, докультурной, не соответствующей интересам большинства, и идею могут заставить работать только силой. То, что начинается как культ Силы, заканчивается культом фашизма. Они хотят сделать всех одинаковыми, одинаково послушными, гребут всех под одну гребенку, не давая ни единого шанса инакомыслящим. Они могут предложить только «инклюзивный капитализм» как вариант вечного торжества Силы и «цифровое рабство» как следствие. Никакого иного «образа будущего» наши «партнеры» предложить не в состоянии. Это индивидоцентрический тоталитаризм, тоталитаризм во имя Силы, который является условием их победы. Иначе говоря, наши противники скрыто выступают за диктатуру природы (Силы), прикрываясь Свободой как лозунгом из арсенала культуры.

4. Будущее мало заботит индивида, который искренне убежден в том, что после него хоть потоп. Будущее для ин-

дивида – это категория, которая способна ограничить сегодняшнюю Свободу. Поэтому «долой будущее» – это неписанный лозунг «либерального индивида», наивный и беспощадный одновременно. Что значит «долой будущее»?

Это сакральное «остановись, мгновение», тот самый «конец истории», который провозгласили либеральные философы. И индивид точно знает, когда он даст команду мгновению остановиться: тогда, когда за свои деньги он приобретет бессмертие. Для тех, кто исповедует культ денег и силы, бессмертие в XXI веке стало новой религией, «религией наоборот». Идея бессмертия – вот новая смертельная опасность.

5. Надо адекватно воспринять скрытый (реальный) смысл сообщения «сильных мира сего», который они, впрочем, уже давно не скрывают. Он сводится к тому, что мир может быть исключительно однополярным, кто силен – тот и прав, никакой иной идеологии, кроме индивидуализма, Запад не примет. Верить в Правду Силы и при этом не применять Силу невозможно. Их «Картина мира» не предполагает мирного существования. Их «Картина мира» предполагает тотальное доминирование – войну и победу сильного над слабым.

В принципе это все, что необходимо знать об их «Картине мира».

А теперь присмотримся, как работают некоторые идеологические механизмы. *Если предложить миру одно ключевое кодовое слово, выражающее суть идеологии, то мы получа-*

ем «Родина» vs «Свобода». И в такой «рамке» мы проигрываем на ринге бой, в котором оценивает массовое (матричное) сознание. Они так и делают, и мы проигрываем.

Но если предложить миру три ключевых слова, выражающих суть идеологии, то мы получаем «Родина. Правда. Победа» vs «Свобода. Сила. Удовольствие». И если мы сумеем навязать им свои правила игры (три вместо одного), то, несомненно, на глазах всего мира победим мы. И самое интересное: если мы сумеем это сделать, то мы их переиграем, используя их же технологии. Ведь эта троичность (тезис-анти-тезис-синтез), зерно научного диалектического дискурса, – дело рук их технологичной цивилизации.

Уже в рамках триады они нам проигрывают. Вот мы и предлагаем: индивидуализм (тезис) – социализм (антитезис) – персонизм (синтез). Мы предлагаем выигрышный для себя вариант.

А если предложить миру противостояние концептов, выражающих суть идеологии, то мы получаем «Не в силе Бог, а в Правде» vs «Не в правде Бог, а в Силе». Мы предлагаем честный бой, за которым будет следить весь мир. Чем больше информации, тем меньше у них шансов.

А если пойти еще дальше и предложить битву «Картина мира» («персонизмическая Картина мира» vs «индивидуализмическая Картина мира»), то шансов у них нет никаких.

Делаем вывод (СЕДЬМОЙ ТЕЗИС): западные идеологи переигрывают нас не потому, что они умнее и дальше нас продвинуты в научном плане, а потому, что хитрее, то есть потому, что тяготеют к манипуляции, технологичному мошенничеству. Следовательно, секрет нашей победы заключается в том, чтобы навязать идеологическое соперничество в максимально открытом и содержательном формате. Понятно, что они никогда на это не пойдут, ограничившись противоборством в рамках «Матрицы». Им выгоднее отметить русскую культуру и идеологию, что они и делают.

Какая идеология нужна России?

России нужна эффективная и победоносная идеология: «Родина. Правда. Победа».

Нам нужна такая идеология, которая рано или поздно заставит Запад уйти в глухую оборону. Нам нужен *персонализм*. Такой вариант идеологии можно рассматривать как универсальный; вместе с тем в нем присутствует аспект (идеологический угол зрения), который можно назвать военномобилизационным. Он помогал нам побеждать во всех Отечественных войнах. Однако на смену времени военному неизбежно приходит мирное время: собственно, за это и воюем. Мирная жизнь, казалось бы, должна доказать справедливость и преимущества нашей идеологии. В реальности

же наша мирная «матрица» оказалась не очень жизнеспособной. Лозунг «Родина. Правда. Победа» работает в военное время, во время героев, поэтому «горячую» Великую Отечественную войну мы выиграли; но вот последовавшую затем войну «холодную» проиграли. Почему?

Корень проблемы в том, что мы попали в гносеологическую и психологическую ловушку. Мы победили, и после этого поколение победителей (героев) получило право «расслабиться», превратиться в мирных обывателей – поесть, поспать, повеселиться, получить удовольствие от мирной жизни. Таков был неписанный общественный договор. За что мы воевали, смотрели смерти в глаза? За то, чтобы не воевать, а наслаждаться мирной жизнью. Если понимать наслаждение мирной жизнью как потребление и потребительство, то мы в мгновение ока проигрываем Западу, ибо он является мировым чемпионом и законодателем мод в выстраивании общества потребления, «матрицы потребления». Мы победили – чтобы тут же проиграть. Запад выигрывает у нас гонку в проекте «мир как потребление», потому что потребление (удовольствие, кайф) – это проекция индивидуализма.

Потребление как главный итог и главная цель нашей Победы: вот наша коренная идеологическая ошибка. Определение качества жизни уровнем потребления, то есть определение ценностей культуры мерками индивида, – это «игра по правилам индивида» и по праву сильного.

Таким образом, их «Матрица» показала свою эффектив-

ность и успешность именно в мирное время, которое на деле является всего лишь фазой военного времени. Лозунг «Родина. Правда. Победа» в мирное время работает уже не так эффективно, потому что это военно-мобилизационный лозунг. Как адаптировать лозунг «Родина. Правда. Победа» под задачи мирного строительства? Если не потребление, то что следует рассматривать в качестве главного итога и главной цели нашей Победы?

Это идеологический вызов, и его необходимо принимать.

Если в качестве главного итога и главной цели нашей Победы рассматривать не потребление, а раскрытие человеческого потенциала, то приоритетной становится проблема личностного роста. Главный социальный ресурс – личностный рост человека. Это информационный ресурс, который определяет экономику, политику и ценностные приоритеты общества. При такой постановке вопроса понятия «победа», «мобилизация», «потребление» меняют свой смысл. Военная мобилизация должна гибко трансформироваться, чтобы уступить место культурной мобилизации. Не расслаблению и потреблению – а мобилизации, только другой. Полагаем, что лозунг мирного времени может быть таким: «Родина. Личность. Счастье». Борьбу за Победу как условие Счастья должна сменить борьба за Счастье как условие Победы.

И это лозунг не героя и не индивида, а личности. Одна мобилизация должна сменять другую, образуя некий непрерывный мобилизационный цикл. Именно так: жизнь как мо-

билизация, как максимальная самоотдача: это не благое пожелание, это условие выживания. Смысл жизни в борьбе. Кто перестал бороться, тот проиграл.

Победа – это заслуженное право не на отдых и кайф от ничегонеделания, право на уклонение от мобилизации; прежде всего это право на счастье, и это право необходимо реализовать с помощью культурной мобилизации. Это закон, информационный закон, который становится идеологическим законом. А отдыхать когда же?

Отдых в структуре потребностей личности нельзя рассматривать как образ жизни; скорее, отдых представляет собой некий переходный этап-эпизод, где ценится искусство накапливания сил перед последующим мобилизационным рывком, военным или культурным (военно-культурным). Как только отдых становится образом жизни, отдыхом ради отдыха, как только голова ничем не занята, а воля пребывает в расслабленном состоянии, как только эпизод превращается в этап жизни, наступает время «матрицы индивида». Приходит время поражения. Не наше время. Время наших врагов.

Наша «Матрица» всегда должна пребывать в активном, деятельном состоянии. В этом и есть суть персонцентризма. Личность – это и про Победу, и про Счастье, и про Родину. Где Родина, там и Счастье, где Счастье, там и Победа. *Если победители не ориентируются на общество, в котором права личности выше прав потребителя-индивида, они*

проиграют борьбу за мир, доставшийся в результате Великой Победы. Пример СССР доказывает это со всей очевидностью. Иногда кажется, что СССР и нужен был затем, чтобы доказать необходимость персонцентризма. Что развалило Советский Союз?

Отсутствие идеологии персонцентризма. Отсутствие культурной мобилизации. Отсутствие нашей «Матрицы», и это «свято место» мгновенно заняла индивидуоцентрическая «Матрица» врага. Мы получили культ потребления вместо культа личности (в хорошем смысле этого понятия). Индивидуоцентризм побеждает, если ему не противостоит персонцентризм. Пусть этот трагический эпизод нашей истории будет нам уроком.

ВОСЬМОЙ ТЕЗИС: нам нужна эффективная и победоносная идеология, ориентированная на диктатуру культуры, которая существует в двух вариантах: военном и мирном. Одна мобилизация (культурная) должна сменять другую (военную), образуя непрерывный мобилизационный цикл, который можно назвать социальной мобилизацией.

Что такое литература и литературная критика

В заключение предложим свое – персонцентрическое – определение литературы (предлагаем считать это **ДЕВЯ-**

ТЫМ ТЕЗИСОМ). **Художественная литература** – это форма идеологии, которая представляет собой информационную технологию превращения идей в образы (смысла – в чувство) с помощью стиля; литература не производит идеи, она заставляет в них верить; в таком своем качестве литература является наиболее эффективным способом духовного производства человека (инструментом превращения индивида в личность) посредством утверждения нравственного императива «человек есть цель» через конфликт с моральным императивом «человек есть средство».

Литературная критика – это звено, которое связывает Картину мира и Матрицу (литературу). **Познавательная (научно ориентированная) критика** – это оперативное литературоведение, цель которого с помощью определенной методологии выявить в литературе культурно значимое (ценностное) и эстетическое (стилевое) начала. Такая критика наиболее объективна, но вместе с тем идеологична.

Эссеистическая (эмоциональная) критика, которая существует как литература по поводу литературы, как впечатления по поводу впечатлений, как произвольное дублирование Матрицы, не является в полной мере деятельностью, совместимой с культурной ответственностью. Цель такой критики – привлечь внимание к произведению (явлению), а не исследовать его сущность. Такая критика в значительной мере субъективна, поэтому откровенно идеологич-

на.

Наконец, критика, выполняющая **функцию рецензирования**, ставит себе целью привлечь внимание к произведению по сугубо прагматическим причинам: за деньги, во имя корпоративных интересов и т. д. Рецензирование зачастую является способом откровенной манипуляции читательским вниманием. Такая критика представляет собой «низший» вид критики, если можно так выразиться.

2. Прапорщик Гринев vs комбат, или В литературе всегда побеждает жертва

Честь имею

Начать читать предлагаемую статью настоятельно рекомендуется с предыдущей нашей работы «Кант vs комбат, или Литература – феномен идеологии. Самое главное о литературе в девяти тезисах».

Собственно, данная работа – вторая часть единого замысла. Первая часть посвящена теории: что такое содержание в литературе, какова его структура, на каком языке культуры существует содержание (что такоемыслеобраз?).

Наш опорный тезис (в статье «Кант vs комбат» третий из девяти по счету) таков. Чтобы стать подлинным субъектом культуры, герой произведения вынужден стать личностью – ориентироваться на нравственный императив Канта как высшую культурную ценность; следовательно, моральную позицию любого «комбата» (неправомерно считающего себя субъектом культуры, поскольку его позиция не обладает культурной субъектностью) следует изображать и оценивать с нравственных позиций Канта. В противном случае поэти-

ческая победа обернется культурным поражением – моральная победа обернется нравственным поражением.

Таков закон великой литературы.

Нравственный императив Канта (в нашей трактовке). «Человек всегда должен быть целью и никогда – средством». Человек сам по себе, со всем своим ментальным и витальным ресурсом, является целью. Любая иная цель антигуманна и античеловечна.

Моральный императив условного оппонента Канта, комбата (лирического героя стихотворения Ю. Друниной «Комбат»): «Если для достижения цели – Победы над смертельным врагом – необходимо отнестись к человеку как к средству, это надо делать без колебаний».

«Кант vs комбат». Кредо «человек-цель» vs кредо «человек-средство». Личность vs индивид. Что такое личность?

Это человек (индивид), ориентирующийся в своей жизнедеятельности на высшие культурные ценности, а именно: истину, добро, красоту, справедливость, свободу, любовь, счастье, семью, патриотизм. Ценностный ряд можно продолжить, но ядро мы обозначили.

Личность относится к человеку (прежде всего к себе) как к цели своего существования, но не как к средству.

Сейчас мы покажем, как это все «работает» в конкретном произведении литературы экстра-класса. Мы обратим-

ся к повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», которая, вроде бы, всем известна со школьной скамьи. Повесть кажется простой и понятной, поэтому изучается даже не в старших классах, а раньше. Но повесть сложна, как и все у зрелого Пушкина, и постижение глубины ее содержания требует значительных усилий ума.

Позицию абстрактного Канта в формуле «Кант vs комбат» занимает Петр Андреевич Гринев, гвардии прапорщик, полноценная личность по своей нравственной структуре; отсюда название нашей работы «Прапорщик Гринев vs комбат».

Чтобы показать противоречивую сложность отношений Гринева к ценности гуманистических идеалов (человек цель или средство?) и чтобы показать, как эти ценности делают из Гринева личность, Пушкин буквально выстраивает, прописывает отношения Гринева с неслучайно подобранным кругом действующих лиц:

- с почитающим целью жизни исполнение долга отцом,
- со своим дядькой «холопом» Савельичем,
- с морально непогрешимой капитанской дочкой Машей Мироновой,
- с подонком и предателем Швабриным,
- с мятежным бунтовщиком Пугачевым,
- с носителем высшей государственной мудрости государыней императрицей (заочно),
- с абсолютной точкой отсчета в делах человеческих – с Богом и восходящим к Нему кодексом Чести.

Получается модель нравственного универсума, где все связано со всем.

При этом повествование ведется от первого лица – от лица рассказчика, самого Петруши, а потом и Петра Андреевича Гринева, что позволяет детально вникать в мотивы его поступков. Но это не все. За фигурой рассказчика сквозит позиция повествователя (не автора, не Пушкина). У автора появляется возможность сопрягать позиции, сопоставлять точки зрения на ситуации. Этот прием (от «двойного» первого лица – рассказчика/повествователя) позволяет сделать Гринева нравственным центром повествования: он единственный, кто относится к человеку как к цели; все остальные персонажи повести относятся к человеку как к средству (цели у всех при этом разные).

Возникает многомерная палитра отношений, и Картина мира Гринева предстает глубокой и цельной в своей противоречивости; при этом, если убрать противоречивость (сгладить реальную сложность), – вместе с ней придется пожертвовать убедительностью, живостью и объективностью.

Итак, Гринев постепенно набирается опыта и начинает смотреть на мир и людей с точки зрения личности. Вот почему его становление описано с самого детства и до старости. Но в центре – события, которые способствовали превращению Петруши в личность.

Обратим внимание: повесть начинается с кантианского эпиграфа «Береги честь смолоду». Только человек, осозна-

ющий себя в этом мире как цель, может сказать: честь превыше всего, ибо честь заключается в том, чтобы мерять свои поступки и намерения нравственным императивом Канта. Это высшее доступное человеку нравственное переживание. Честь = человек-цель. Вот только цель трактуется по-разному. Для Петра Андреевича цель – сохранить совесть, откликающуюся на вибрации истины; а для его отца, например, цель – это совесть, которая слышит только голос долга (и в таком своем качестве становится средством).

Попробуем распутать клубок нравственных проблем.

Почему, кстати, нравственных, а не моральных?

Мораль – это представление общества о нравственности, отраженное в правилах и нормах поведения. Для морали человек всегда является чем-то второстепенным – средством, а не целью. Сначала думай о чем-то высшем по отношению к тебе (о Родине, Боге, чести, отце, долге, добре, красоте и т. д.), а потом о себе как о личности.

Нравственность – это мораль личности, это высшие, по меркам разума и культуры, представления о цели существования человека. Сначала думай о личности в себе и других – это и будет формой заботы о Родине, Боге, чести, отце, долге, добре, красоте и т. д.

Петр Андреевич и Андрей Петрович

Повествование начинается с отца (после эпитафии). Не

с матери, заметим. Почему? Потому что отец – это начало мужское, ум, Картина мира, честь; а мать – это любовь.

«Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17... году. С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве»⁵.

Служил (не прислуживался), женился, жил по совести. Нам сразу же сообщено, что отец, во-первых, служил при Минихе, человеку чести, и вышел в отставку, очевидно, из солидарности с графом, человеком сложной судьбы; во-вторых, женился на «дочери бедного дворянина» – очевидно, женился по любви, а не из-за денег; если соотнести это с генеральным эпиграфом, камертоном повести, то корысть, очевидно, вместе с прислуживанием, не вписывается в понятие «честь». (Вспомним в этой связи благословение дочери капитана Миронова в критических обстоятельствах: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной».) И это не часть биографии Андрея Петровича; это «родовое» послание сыну, Петру Андреевичу. Иметь такого отца – большая

⁵ Повесть цитируется по изданию: Пушкин А. С. Золотой том. Собрание сочинений / А. С. Пушкин. – М.: Эксмо, 2022. – 1376 с.

честь. Но общаться с человеком, превыше всего в жизни ставящим долг, *относящимся к человеку* (пусть и собственному сыну, к себе самому и своему роду) *как к средству* – весьма непросто. Вместо Петербурга (где ему была гарантирована протекция «начальника Петруши», родственника князя Б.) отец отправил Петрушу служить в Оренбург. «Чему научиться он, служа в Петербурге? мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон».

Сказано – сделано. «Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: „Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду“. Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей».

Перипетии повести хорошо известны; известно также, в какой ловушке оказался Петр Андреевич – именно вследствие того, что никогда не изменял высокому пониманию чести. Однако отец его видел только внешнюю сторону событий, полагаясь на информацию, полученную от «родственника князя Б.». Вот как отреагировал Андрей Петрович: «Как! – повторял он, выходя из себя. – Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не

казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Вполне ожидаемо: лучше смерть, нежели бесчестье, то есть любой контакт, любое «соединение» с врагами престола и разбойниками.

К ловушке мы еще вернемся. Пока же отметим следующее. Петр Андреевич был ни в чем не виноват, совесть его, личности, была чиста; но ему и в голову не пришло осуждать отца, Андрея Петровича, который был по-своему, как дворянин и офицер, прав.

Беда Петра Андреевича была в том, что он роковым образом не мог донести до отца свою правду (человек есть цель, но не средство). Это делало Гринева младшего без вины виноватым. Однако пойти против совести было решительно невозможно. Фатальное расхождение со взглядами отца было предопределено.

Петр Андреевич и Архип Савельич

Формально Савельич был дядькой, то есть слугой дворянина Петра Гринева. «В то время воспитывались мы не по-ннешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалован-

ному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля».

Но Пушкин, конечно, максимально усложнит отношения «слуга – господин», чтобы прояснить отношения ценностей «человек-цель vs человек-средство».

Отношения Петра Гринева проходят несколько фаз кризиса. Началось все со встречи в трактире с опытным игроком Зуриным, позволявшим себе порой легкомысленное отношение к делам чести. (Впоследствии окажется, что он был вполне добрым и честным малым. Как-то совмещается это в человеке.) Петр Андреевич по его вине (но по собственной глупости: в своих проблемах личность всегда находит толику своей ответственности) напился и проиграл сто рублей. Так был открыт «список грехов» Гринева, без которых, однако, он не стал бы тем, кем стал в итоге.

«Молчи, хрыч!» «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают». «Полно врать, – прервал я строго, – подавай сюда деньги или я тебя взашей прогоню». Такие слова и стоящее за ними поведение не слишком согласуется с императивом «береги честь смолоду».

В результате – «с беспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска». Что стало причиной угрызений совести и раскаяния?

Савельич был прав, потому что он был предан Петруше; он беззаветно служил благу и интересам молодого барина как целям своей жизни (почитая себя средством, конечно), а барин изволил нахамить за это своему дядьке. Хороша благодарность. Стало стыдно. Петруша «чувствовал себя виноватым перед Савельичем». Но раскаяние было «безмолвным»: молодость и барская спесь давали о себе знать. Универсальная моральная шкала, по которой судят всех людей, в отношении «какого-то дядьки» дала сбой. Тем не менее Петр Андреевич нашел в себе силы извиниться перед дядькой, который преподал ему нравственный урок: «Эх, батюшка Петр Андреич! – отвечал он с глубоким вздохом. – Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире!»

Кстати, проигрыш в биллиард, долг чести, был отдан «честному офицеру» Зурину без колебаний. Виноват – расплачивайся. Честь имеет и такое, вполне житейское измерение.

Савельич не раз еще докажет свою верность и преданность. В конечном счете отношение к Савельичу станет для Гринева тестом на право считать себя личностью – делом чести. Дядька для личности оказывается в одном ряду с отцом, императрицей и всеми остальными.

Петр Андреевич не раздумывая бросается спасать Савельича, подвергая себя смертельной опасности. (Заметим, кстати: Гринева никогда не ставил собственную жизнь выше

чести.) «Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я поворотил лошадь и отправился его выручать». «Савельич находился между ими („караульными мужиками“. – А. А.). Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие мое их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади».

Так из-за своего дядьки офицер, прапорщик Гринев оказался в плену у бунтовщиков. Дворянин-комбат на месте Гринева поступил бы иначе, несомненно.

Фактически Гринев стал относиться к своему дядьке («старому псу», по гневным словам отца) как к отцу и дворянину, как равный к равному: он отправился его выручать ценой собственной жизни. Он не бросил его даже ради Маши. «Друг ты мой, Архип Савельич!» – обратится к нему в конце повести Петр Андреевич.

Согласно морали того времени, Гринев мог бросить «хрыча» и холопа на произвол судьбы. И никто бы его не осудил. Гринев поступил по кодексу личности.

«Прапорщик vs комбат».

Петр Андреевич Гринев и Марья Ивановна Миронова

Это история любви. Русский человек на rendez-vous. Если человек не прошел испытание любовью, о нем трудно судить как о личности. Но ключ к этой истории не пресловутое *cherchez la femme*; ключ к этой истории – честь.

Нам из первых рук представлены чистые, честные, высокоморальные и высоконравственные отношения двух любящих сердец. Здесь благословение родителей так же важно, как и сама любовь. Про них сразу хочется сказать (будто им на роду написано): и стали они жить-поживать да добра наживать. Как в «Барышне-крестьянке». Но с какого-то момента именно эти идиллические отношения стали самой коварной ловушкой.

Маша, дочь капитана Миронова, коменданта Белогорской крепости, героически принявшего смерть («Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!»: таков был ответ «государю» Пугачеву), оказалась в плену у вора и самозванца.

Сложные сюжетные перипетии по воле повествователя «выгораживают» наших героев, Машу и Петра Андреевича: не они выбирали «сцепление обстоятельств», причудливое сочетание обстоятельств выбрало их. Не по слабости, а по

воле судьбы оказалась она, сирота, в плену. И бедная девушка на голубом глазу пишет честное и наивное письмо офицеру Гриневу. «Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! (...) А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозитя, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать еще три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Петр Андреич! вы один у меня покровитель; заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота *Марья Миронова*».

Вот она, ловушка. Нравственный смысл ловушки: будешь «отстаивать то, что считаешь святынею своей совести» (высшей честью), прослынешь предателем; поступишь по велению чести офицера – выступишь против совести. Проще говоря, попытаешься спасти Машу – должен будешь в сложившихся «затруднительных» обстоятельствах («сикур-

су», то есть помощи – капитанская дочка знала толк в военных маневрах – не жди) поступить не как офицер, а как влюбленный, как частное лицо – как дезертир; поступишь как честный офицер – совесть замучает. (Кстати, прапорщик Гринев честно попросил «сикурсу» у генерала Андрея Карловича; разумеется, получил отказ. По-отечески. Ловушка захлопнулась.) Перед нами два разных понимания чести. С позиций личности поступить по чести означает отнестись к человеку как к цели; с позиций индивида поступить по чести означает выполнить долг офицера. Отец Андрей Петрович, генерал Андрей Карлович, сама государыня императрица, простые, но героические родители Маши, и даже сама «покорная бедная сирота» Маша в своей святой простоте – все, все они ждали от Гринева выполнения долга офицера.

Долг есть цель, человек есть средство. «Прапорщик vs комбат».

Пушкин ставит своего героя перед выбором и заставляет действовать. Как Гринев выпутывается из ловушки?

Шанс на спасение Маши, хоть призрачный, но был. Поступить «как должно офицеру» означало бы сделать вид, что этого шанса не было. То есть соврать себе. Поступить не по совести. Никто бы его не осудил – но он бы себе соврал. Отнесся бы к человеку, к Маше и себе, как к средству. Гринев вступил на скользкую дорожку компромисса между невоз-

возможным и решительно невозможным. Он фактически дезертировал, но обставил дело так, что можно было подумать, что он исчез в ходе одной из вылазок. «Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но еще всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинен в излишней запальчивости, а не в ослушании». На какое-то время версия с лихим наездничеством сработала. Но рано или поздно правда должна была вскрыться, и вещи называли своими именами: вылазка обернулась дезертирством с целью пособничества мятежнику Пугачеву. Никому невозможно было доказать обратное, хотя Гринев говорил только правду и ничего, кроме правды. Гринев должен был погибнуть, пасть благородной жертвой принципа «береги честь любой ценой». «Надели мне на ноги цепь и заковали ее наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою».

Человека можно посадить на цепь и заковать ее наглухо. Совесть, как и зло, посадить на цепь нельзя.

В конечном счете, отношение к Маше и любви также станет для Гринева тестом на право считать себя личностью — делом чести. Любимая Маша для личности оказывается в одном ряду с дядькой, отцом, императрицей и всеми остальными.

Что спасло Гринева? Правосудие?

Нет. Чудо. Его спасла милость императрицы – «именное повеление». Исключение из правил. Правосудие заковывает в цепи, милость спасает от цепей. Вот диалог Маши и императрицы – следствие «чудных обстоятельств».

«– Я приехала подать просьбу государыне.

– Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

– Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия».

Милость была оказана. «Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. „Знаю, что вы не богаты, – сказала она, – но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние“».

«В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...»

Перед нами классический прием выхода из безвыходных ситуаций (что только подчеркивает их безвыходность): Deus ex machina. Без вмешательства «Петербурга» участь Гринева и капитанской дочки была бы незавидна. Милость – счастье в лотерею. Эта пара более всех достойна счастья – но именно поэтому была обречена на несчастье. Счастье их –

это чудесное спасение. Но чудес, увы, не бывает. В жизни самого Пушкина (ловушка была скроена по лекалам его божественной повести) чудесного спасения не случилось, как известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.